

СТЕНДАЛЬ (МАРИ-АНРИ БЕЙЛЬ)

ФЕДЕР, ИЛИ ДЕНЕЖНЫЙ
МУЖ

Часть сборника: Любовный напиток (сборник)

Стендаль (Мари-Анри Бейль)

Федер, или Денежный муж

«ФТМ»

Стендаль (Мари-Анри Бейль)

Федер, или Денежный муж / Стендаль (Мари-Анри Бейль) —
«ФТМ»,

ISBN 5-699-06825-2

«В семнадцать лет Федер, один из самых элегантных юношей Марселя, был изгнан из родительского дома; он совершил величайший проступок – женился на актрисе из Большого театра. Его отец, высоконравственный немец и богатый негодичант, уже давно обосновавшийся в Марселе, по двадцать раз на день принимался проклинать Вольтера и французскую иронию. В странной женитьбе сына его больше всего, пожалуй, возмутили кое-какие легкомысленные фразы во французском духе, с помощью которых юноша пытался оправдаться...»

ISBN 5-699-06825-2

© Стендаль (Мари-Анри Бейль)

© ФТМ

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Фредерик Стендаль

Федер

I

В семнадцать лет Федер, один из самых элегантных юношей Марселя, был изгнан из родительского дома; он совершил величайший проступок – женился на актрисе из Большого театра. Его отец, высоконравственный немец и богатый негоциант, уже давно обосновавшийся в Марселе, по двадцать раз на день принимался проклинать Вольтера и французскую иронию. В странной женитьбе сына его больше всего, пожалуй, возмутили кое-какие легкомысленные фразы во французском духе, с помощью которых юноша пытался оправдаться.

Верный моде, хотя он родился в двухстах лье от Парижа, Федер повсюду кричал о своем презрении к торговле, – очевидно, потому, что такова была профессия его отца. Кроме того, потому лишь, что ему нравились несколько хороших старинных картин Марсельского музея и внушала отвращение современная мазня, отправляемая правительством в провинцию, юноша вообразил, что он художник. На художника он был похож только одним – презрением к деньгам, да и это чувство происходило главным образом от его отвращения к работе в конторе и к занятиям отца: он их стыдился. Мишель Федер, без конца поносивший тщеславие и легкомыслие французов, никогда не сознался бы своему сыну в том, какое райское наслаждение доставляли его собственному тщеславию похвалы компаньонов, когда те делили с ним прибыли от какой-нибудь выгодной спекуляции, родившейся в голове старого немца. Но он возмущался тем, что, несмотря на все его проповеди нравственности, компаньоны быстро тратили свои прибыли на загородные прогулки, на охоту и прочие здоровые физические развлечения. Для него же, почти никогда не покидавшего задней комнаты своей конторы, все удовольствия заключались в томе Штедингга и толстой трубке. Так он скопил миллионы.

Когда Федер влюбился в Амели, молоденькую семнадцатилетнюю актрису, только что окончившую театральную школу и имевшую большой успех в роли «Маленького матроса», он умел делать только две вещи: ездить верхом и рисовать портреты-миниатюры. Портреты его отличались поразительным сходством, в этом достоинстве им нельзя было отказать, но оно было единственным, которое могло бы оправдать притязания художника. Все портреты были ужасающе уродливы и достигали сходства лишь путем преувеличения недостатков оригинала.

Мишель Федер, всеми уважаемый глава фирмы «Мишель Федер и К», по целым дням проповедовал естественное равенство, но так и не смог простить своему единственному сыну женитьбу на какой-то актрисе. Тщетно пытался поверенный, которому было поручено опротестовывать адресованные фирме просроченные векселя, обратить внимание старика на то обстоятельство, что брачный обряд его сына был совершен лишь испанским капуцином (на юге еще не дали себе труда понять значение брака, заключенного в мэрии). Мишель Федер, уроженец Нюрнберга и рьяный католик, – они все таковы в Баварии – считал нерасторжимым всякий брак, к которому примешивалась святость таинства. Неумеренное тщеславие немецкого философа было особенно задето провансальской прибауткой, которая быстро облетела весь город:

Федер на сына смотрит косо,
В невестки получив матроса.

Оскорбленный этим новым злодеянием *французской иронии*, старик объявил, что никогда в жизни не увидит больше своего сына, и послал ему полторы тысячи франков вместе с приказанием никогда не показываться ему на глаза.

Получив полторы тысячи франков, Федер подскочил от радости. С невероятными трудностями ему удалось и самому собрать почти такую же сумму, и на следующий день он уехал в Париж, средоточие ума и цивилизации, вместе со своим «Маленьким матросом», который был в восторге оттого, что снова увидит столицу и друг по музыкальной школе.

Спустя несколько месяцев Федер потерял жену, которая умерла, подарив ему малютку дочь. Он считал своим долгом известить отца об этих двух важных событиях, но несколькими днями позже ему стало известно, что Мишель Федер разорился и бежал. Огромное состояние вскружило голову старому коммерсанту; движимый тщеславием, он начал мечтать о том, чтобы завладеть всем сукном определенного сорта, какое только выделяется во Франции. На кромке каждой штуки сукна он хотел видеть вышитыми слова «Feder von Deutschland» («Федер из Германии»), а затем поднять вдвое цену этих сукон, которые, разумеется, стали бы называться «сукнами Федера», что должно было его обессмертить. Этот замысел, чисто французский, повлек за собой полное банкротство, и наш герой с тысячей франков долга и с маленькой дочкой на руках оказался в Париже, которого он совершенно не знал и где каждому реальному образу он противопоставлял какую-нибудь химеру, плод своей фантазии.

До сих пор Федер был просто фатом, в глубине души чрезвычайно гордившимся богатством своего отца. Но, к счастью, намерение стать когда-нибудь знаменитым художником побудило его с увлечением прочесть Мальвазию, Кондиви и других историков, описывающих жизнь великих итальянских живописцев. Почти все это были люди бедные, отнюдь не склонные к интригам, не пользовавшиеся благосклонностью фортуны, – и вот, сам того не замечая, Федер привык считать почти счастливой жизнь, заполненную пылкими страстями, и не придавать большого значения, горестям, связанным с отсутствием денег или платья.

Когда умерла его жена, Федер снимал маленькую меблированную квартиру на пятом этаже у г-на Мартино, сапожника на улице Тебу, который обладал порядочным состоянием и сверх того имел честь быть капралом национальной гвардии. Природа-мачеха наделила г-на Мартино не вполне подходящим для военного ростом в четыре фута десять дюймов, но, будучи истинным художником в обувном ремесле, он сумел вознаградить себя за этот обидный физический недостаток: он соорудил себе сапоги с каблуками в два дюйма, в стиле Людовика XIV, и постоянно ходил в великолепной медвежьей шапке высотой в два с половиной фута. В таком наряде он имел счастье быть задетым пулей в плечо во время одного из парижских восстаний. Эта пуля, неизменный предмет размышлений Мартино, преобразила его характер и сделала из него человека благородного образа мыслей.

К тому времени как Федер потерял свою жену, он уже четыре месяца не вносил г-ну Мартино квартирной платы, иначе говоря, задолжал ему триста двадцать франков. Сапожник сказал ему:

– У вас горе, я вовсе не хочу притеснять вас. Напишите мой портрет в мундире, в солдатской меховой шапке, и мы будем в расчете.

Портрет этот, до отвращения похожий, возбудил восторг всех окрестных лавочников. Капрал повесил его рядом с зеркалом без амальгамы, какие, по английской моде, обычно вешают при входе в лавку. Вся рота, к которой принадлежал Мартино, пришла полюбоваться *картиной*, и несколько солдат национальной гвардии возымели блестящую мысль основать в мэрии своего округа музей. Музей этот предполагалось составить из портретов всех тех солдат национальной гвардии, которым выпала честь быть убитыми или ранеными в боях. В роте было еще двое раненых, и Федер написал их портреты, обладавшие все тем же чудовищным сходством. Когда же возник вопрос о вознаграждении, он ответил, что и без того слишком

счастлив, воспроизведя черты двух *великих граждан*. Эта фраза положила начало его благосостоянию.

Пользуясь преимуществом людей воспитанных, Федер втихомолку подсмеивался над честными гражданами, с которыми беседовал, но ненасытное тщеславие этих героев принимало все восхваления буквально. Многие солдаты национальной гвардии из этой роты, а затем и из батальона сделали следующее умозаключение: «Меня могут ранить, а так как звук выстрела действует на меня возбуждающе и внушает мне отвагу для свершения великих дел, то в один прекрасный день меня могут убить. Поэтому для прославления моего имени я должен заранее запастись портретом, чтобы впоследствии его могли с почетом поместить в музей второго легиона».

До разорения своего отца Федер никогда не писал портретов за деньги. Обеднев, он заявил, что будет брать за свои портреты по сто франков с обычных заказчиков и только по пятьдесят – с храбрых солдат национальной гвардии. Это объявление показывает, что Федер, с тех пор как разорение отца заставило его отказаться от пустого фатовства художника, приобрел некоторую житейскую мудрость. У него были приятные манеры, и в легионе вошло в моду угощать молодого живописца обедом в день торжественной демонстрации портрета, при помощи которого глава семьи надеялся получить бессмертие.

У Федера было одно из тех красивых, правильных и тонких лиц, какие часто встречаются в Марселе среди грубых физиономий современного Прованса и по прошествии стольких веков все еще напоминают греческие черты основателей города – фокейцев. Вскоре дамам второго легиона стало известно, что молодой живописец осмелился пренебречь гневом отца, в то время неизменно богатого, и жениться на девушке, не имевшей ничего, кроме красоты. Эта трогательная история быстро украсилась безумно романическими подробностями; два-три *храбреца* из роты Мартино, оказавшиеся уроженцами Марселя, взяли на себя труд рассказать всем о поразительных сумасбродствах, на которые толкнула нашего героя доселе невиданная любовь, и вот волей-неволей ему пришлось иметь успех у дам роты, после чего многие дамы батальона и даже легиона тоже нашли его очень милым. Ему было в то время девятнадцать лет, но он уже сумел с помощью дрянных портретов уплатить долг г-ну Мартино.

Муж одной из этих особ – Федер обедал у него чаще, чем у других, по той причине, что давал уроки рисования двум его дочкам, – был богатым поставщиком Оперного театра; он достал Федеру бесплатный пропуск на спектакли.

Постепенно Федер перестал подчинять свои поступки причудам бурного воображения; близкое знакомство с проявлениями тщеславия простолюдинов, грубыми и порой непостижимыми, заставило его немного поумнеть. Он горячо поблагодарил *даму*, доставившую ему возможность бывать в Опере, но заявил, что, несмотря на безумную страсть к музыке, не сможет посещать театр: после перенесенных несчастий (он часто произносил теперь это слово, одобряемое людьми хорошего тона), то есть после смерти женщины, на которой он женился по любви, постоянные слезы ослабили его зрение, и он не в состоянии смотреть на спектакль из зрительного зала, там чересчур много света. Это обстоятельство, вызванное столь уважительной причиной, доставило Федеру, как он того и ожидал, доступ за кулисы и сверх того еще одно преимущество: храбрецы второго легиона постепенно убедились в том, что близкое общение с молодым художником ничуть не опасно для их жен. Выражаясь языком лавок, наш молодой марселец имел в то время в *кармане* несколько пятисотфранковых билетов, но успех, которым он пользовался у лавочниц, сильно ему наскучил. Его воображение, по-прежнему неудержимое, говорило ему, что счастье находится близ женщин хорошо воспитанных, то есть близ таких женщин, у которых прекрасные белые руки, роскошная квартира во втором этаже и собственный выезд. Воспламененный этой химерой, заставлявшей его день и ночь предаваться мечтам, он проводил вечера в Опере-буфф или в залах Тортони и поселился в самой фешенебельной части предместья Сент-Оноре.

Начитавшись литературы, рисующей нравы и обычаи эпохи Людовика XV, Федер знал, что между крупными знаменитостями Оперы и видными государственными деятелями монархии существуют вполне естественные связи. С другой стороны, он видел, что между лавочниками и хорошим обществом стоит непреодолимая преграда. Попав в Оперу, он стал искать среди нескольких крупных талантов в области танца или пения такое лицо, которое могло бы доставить ему возможность увидеть хорошее общество и проникнуть в него. У Розалинды, знаменитой танцовщицы, было европейское имя. Она, пожалуй, насчитывала уже тридцать две весны, но была еще очень недурна собой. Особенно хороша была ее фигура, отличавшаяся благородством и изяществом линий, – качество, которое с каждым днем встречается все реже, – и три раза в месяц четыре или пять наиболее популярных газет восхваляли изысканность ее манер. Один фельетон, прекрасно написанный, зато и обошедшийся в пятьсот франков, определил выбор Федера, которому смертельно надоел хороший тон разбогатевших лавочников.

Целый месяц Федер зондировал почву и через посредство все тех же солдат национальной гвардии знакомил кулисы со своими несчастьями. Наконец он выбрал *средство для достижения цели*. Однажды вечером, когда Розалинда танцевала в каком-то модном балете, Федер, удобно расположившись за декорацией, изображавшей группу деревьев, упал в обморок от восхищения в ту самую минуту, когда опускали занавес. И когда прекрасная Розалинда, провожаемая аплодисментами, вернулась за кулисы, она застала там целую толпу. Все хлопотали вокруг известного своими несчастьями молодого художника, состояние которого внушало опасения. Своим талантом, поистине божественным в пантомиме, Розалинда была обязана впечатлительнейшей душе, какую когда-либо знал театральный мир. Своими прекрасными манерами она была обязана пяти или шести знатным господам, которые были ее первыми друзьями. Ее тронула участь юноши, уже успевшего испытать столько горя. Лицо его показалось ей исполненным необычайного благородства, а его история поразила ее воображение.

– Дайте ему поцеловать вашу руку, – сказала старая статистка, державшая у лица Федера флакон с солями. – Это случилось с ним от любви к вам. Несчастный молодой человек беден и безумно влюблен: вот в чем *незадача*!

Розалинда исчезла и вскоре вернулась: руки и плечи ее были надушены самыми модными в то время духами. Надо ли говорить, что, очнувшись от своего глубокого обморока, молодой марселец соорудил самую умильную физиономию? Ему до того надоело три четверти часа кряду лежать с закрытыми глазами и молчать посреди всей этой болтовни, что взгляд его, еще более выразительный, чем обычно, теперь метал молнии. Розалинда была так растрогана случившимся, что пожелала увезти Федера в своей карете.

Ум Федера не изменил ему в том положении, которое он сам создал, и меньше чем через месяц после первой встречи, подстроенной так ловко, страсть Розалинды сделалась настолько пылкой, что о ней заговорили в мелких газетках. Несмотря на свое богатство – занятие искусством уничтожает в женщинах *денежное благоразумие*, – Розалинда пожелала обвенчаться с Федером.

– У вас тридцать, сорок или не знаю уж сколько тысяч ливров дохода, – сказал Федер своей подруге. – Моя любовь принадлежит вам навеки, но мне кажется, я поступлю неблагородно, если женюсь на вас прежде, чем у меня самого не будет хотя бы половины этой суммы.

– Тебе придется заняться кое-какими мелкими, довольно скучными делами, но это ничего, мой бесценный ангел. Следуй моим советам, запасись терпением, и через два года я сделаю тебя модным. Тогда ты сможешь брать за свои портреты по пятьдесят луидоров, а там еще несколько лет – и я сделаю тебя членом Академии. Достигнув этой вершины славы, ты позволишь мне выбросить твои кисти за окошко, – ведь все уже будут знать, что у тебя шестисот луидоров дохода. Тогда брак до любви превратится в брак по расчету, и ты совершенно естественным образом станешь владельцем двадцати с лишним тысяч экю годового дохода, потому что ведь и я тоже буду делать сбережения.

Федер поклялся, что будет следовать всем ее советам.

– Но я превращусь в ваших глазах в скучную педантку, и вы возненавидите меня!

Федер заявил, что его покорность будет равна его любви, то есть будет бесконечна. Он считал, что тяжкий путь, только что начертанный перед ним, был единственным, который мог привести его к женщинам большого света, рисовавшимся его воображению обворожительными и божественно прекрасными.

– Итак, – сказала Розалинда со вздохом, – начнем роль педантки. Из всех ролей, какие я когда-либо играла в своей жизни, для меня это самая опасная. Поклянись же, что ты скажешь мне, когда я тебе наскучу.

Федер поклялся с таким видом, что ему нельзя было не поверить.

– Так вот, – продолжала Розалинда, – прежде всего, твоя манера одеваться слишком бросается в глаза, у тебя слишком жизнерадостный, слишком модный вид: ты, стало быть, забываешь о своих *несчастьях*? Ты должен постоянно пребывать безутешным супругом прекрасной Амели, твоей покойной супруги. Если у тебя есть еще мужество поддерживать существование, то лишь для того, чтобы оставить кусок хлеба ее живому портрету, тому, который она оставила тебе. Я придумаю для тебя чрезвычайно изысканный костюм, который приведет в отчаяние наших жокеев, если кому-нибудь из них вздумается тебе подражать. Каждый день, когда ты захочешь выйти из дому, я буду делать то же, что делает генерал со своими солдатами, – я буду делать тебе *смотр*. Затем я подпишу тебя на «Quotidienne» и на собрание творений святых отцов. Твой отец был дворянином, когда уезжал из Нюрнберга, он был господином фон Федером. Следовательно, ты тоже дворянин; поэтому будь верующим. Хотя ты и ведешь беспорядочную жизнь, тем не менее ты преисполнен высокого благочестия, и впоследствии именно это ускорит и освятит наш брак. Если ты готов брать за свои портреты по пятьдесят луидоров и никогда ни под каким предлогом не изменять обязанностям христианина, тебя ждет блестящее будущее. В ожидании успеха, который явится непременно следствием этого несколько *тоскливого* образа жизни – а я берусь заставить тебя вести его, я сама, собственными руками, займусь устройством квартиры, где ты будешь принимать молодых женщин, и вскоре они начнут оспаривать друг у друга удовольствие позировать столь оригинальному и красивому молодому человеку. Приготовься к тому, что все в этой квартире будет дышать самой суровой печалью; ибо имей в виду, что, если ты не хочешь быть *печальным при посторонних*, надо отказаться решительно от всего и обречь себя на несчастье жениться на мне сегодня же. Я брошу мой загородный дом, мы выберем другой, в двадцати пяти лье от Парижа, где-нибудь в глуши. Поездки туда и обратно на почтовых обойдутся нам недешево, зато твоя репутация будет спасена. Там, среди милых соседей-провинциалов, ты сможешь проделывать все; безумства, какие необходимы твоей южной натуре, но в Париже и его окрестностях, хотя ты и живешь с танцовщицей, ты должен всегда и прежде всего оставаться *безутешным супругом, человеком знатного происхождения и христианином, добросовестно выполняющим свои обязанности*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.